

улеталъ — туда. Въ такой лирикѣ нѣтъ жизнерадостнаго подъема, надъ нею лишь «рѣзвая задумается радость». У Жуковского какъ-то разъ сорвалось признаніе: настоящей молодости я не зналъ, «свободной, живой, окруженной прекрасными для меня, новыми впечатлѣніями»; не зналъ и страсти, а лишь страдательную, неосуществленную любовь, позже — любовь, какъ пристань къ небу. «Желать чего-нибудь страстно значить мѣшаться въ дѣло Провидѣнія, рваться за будущимъ вслѣдъ за надеждою и забывать настоящее», вписалъ онъ въ 1815-мъ году въ альбомъ А. А. Воейковой. А между тѣмъ, по природѣ, онъ былъ человѣкъ веселый, охочъ на шутки и проказы; такимъ знали его друзья: вспышки темперамента, подавленного недочетами сердца и манерой сентиментализма; противорѣчія сливались въ вѣрѣ, не въ юморѣ. C'est le poète de la passion, сказалъ о немъ въ 1819 году кн. Вяземскій; «сохрани Богъ ему быть счастливымъ: съ счастьемъ лопнетъ прекраснѣйшая струна его лиры». Съ начала 20-хъ годовъ Пушкинъ замѣчаетъ, что слогъ Жуковского сильно возмужалъ, но утратилъ первоначальную прелесть: «ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій первой части Спящихъ Дѣвъ». «Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью — товарищъ несравненный», говорилъ Жуковский въ 1816 году; въ 1822 она уже «перестала быть отголоскомъ сердца»:

Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній
И голосъ арфы замолчалъ,
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять,
Или на вѣкъ его утрата
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но онъ надѣялся, что очарованье не умерло, что «былое сбудется опять»; надѣялся и Пушкинъ, но вышло иное: изъ «мечтательнаго романтика», какъ самъ онъ себя называлъ, Жуковский становится эпикомъ, «болтливымъ сказочникомъ», перестаетъ служить риѳмѣ, увлеченъ Одиссеей, переводъ которой